

вселенныя, симъ самымъ не обратишь ее въ ничто-
жесшво.

Б — ий.

Л А Р А.

(Изя Лорда Байрона.)

Письмъ вторая.

I.

Ночь улепашеть, зоря разгоняеть шуманы, вѣн-
чающіе главы горъ, и разсвѣшь пробуждаеть все-
ленную; еще одинъ день прибавленъ ко днямъ че-
ловѣка, кошорый, мало по малу, приближаеться къ
последнему. Но природа столь же могуща и юна,
какъ была въ день созданія, солнце на небѣ, а жизнь
на землѣ; цвѣшы украшають долину, свѣшило дня
лучезарно; вѣшерокъ вѣшь здоровьемъ, ручьи раз-
носять прохладу.

Безсмершнй челоувѣкъ! дивись красошамъ при-
роды и въ сердечномъ восшоргѣ говори: „все мое!“
дивись, пока прельщеннымъ очамъ швоимъ дозволено
ихъ видѣшь; скоро насшанешъ день, въ кошорый
швы перештанешъ ими радовашься.

Какъ ни мрачна горешь, шоскующая на шихой
швоей могиль, небо и земля ни одною слезоу не
почшыашъ швой пепель; ни одно облако не пошем-

лѣшь, ни одинъ листъ не завлечетъ преждевременно, никакой вѣтерокъ не вздохнетъ по тебѣ; но черви поползутъ по своему шрупу, который предназначенъ для удобренія земли.

II.

Заря отсіяла, солнце совершило полдороги; Рыцари собрались въ замокъ *Отонъ*; настала часъ, въ который должна померкнуть, или возсіяетъ, добрая слава *Лары*. *Эцелинъ* повторитъ свое обвиненіе, и представитъ истину въ нагошѣ ся; онъ далъ слово. *Лара* обѣщала выслушать его предъ лицомъ неба и человѣковъ. За чѣмъ же *Эцелинъ* не являешься? Что можешь удерживать его? Такой важный доноситель долженъ бы бытъ посѣщенъ.

III.

Урочный часъ прошелъ: вѣрный слову своему *Лара* давно уже дожидается. На его лицѣ видна спокойная увѣренность и холоднокровное терпѣніе. За чѣмъ не являешься *Эцелинъ*? Слышанъ ропотъ; *Отонъ* насупился. „Я знаю своего друга, вскричалъ онъ; увѣренъ, что онъ не нарушитъ своего слова; подождемъ еще; если онъ живъ, то вѣрно предстанетъ здѣсь. Онъ ночевалъ въ замкѣ, лежащемъ между моимъ помѣстьемъ и благороднаго *Лары*. Я приглашалъ его сдѣлать мнѣ честь переночевать въ моемъ замкѣ: онъ не согласился; ему нужно было отыскать между своими бумагами улики и приготовить къ нынѣшнему дню. Я былъ за него поручителемъ — и теперь за него отвѣчаю; и даже,

въ случаѣ надобности, берусь омытъ пянно съ Рыцарской его чеспи.“ — Онъ умолкъ; *Лара* отвѣчала ему: я прибылъ сюда по своему желанію; готовъ выслушать хитрыя сплетни коварнаго чужештранца, кошорого слова могли бы оскорбить мое сердце, еслибъ я не презиралъ его, какъ безумца, или какъ подлаго врага. Я его не знаю . . . онъ, по видимому, зналъ меня въ спранахъ опдаленныхъ . . . но за чѣмъ теряешь время въ пустыхъ разговорахъ? Представь дощника, или защищай мечемъ поруганную чеспъ его!“

Лице *Отона* побагровѣло отъ гнѣва: онъ бросилъ перчатку и обнажилъ мечъ. „Славно! вскричалъ онъ, я выбираю послѣднее, я дерусь за своего опсущствующаго госпя!“ Это ни мало не встревожило *Лары*; угрюмость на челѣ и блѣдность на щекахъ его остались по прежнему: онъ пвердо рѣшился погибнуть, или умертвить *Отона*. Въ однихъ очахъ его сверкаешь бѣшенство, незнающее пощады. Онъ выхватилъ саблю изъ ноженъ; ловкостью, съ кошорою онъ владѣешь ею, показываешь, что она не въ первый разъ сверкаешь въ рукѣ его. Тщешно Рыцари шѣсняшся, желая развесъ ихъ; бѣшенство *Отона* глухо, онъ осыпаетъ *Лару* оскорбленіями и ругательствами, и кричитъ ему, что добрый мечъ его можешь омытъ ихъ.

IV.

Бой не замедлился: ослабленный яростью *Отонъ* самъ подставилъ грудь острю соперника: раненъ

и упалъ. Но ловкая рука *Лары* не смертельно его поранила: „проси жизни!“ вопіеть ему *Лара* . . . *Отонъ* не ошвѣчаетъ. Всѣ полагали, что наспалъ мигъ, въ кошорый онъ не встанетъ съ земли окровавленной. Въ бѣшенствѣ, въ изступленіи, чело *Лары* сдѣлалось почти чернымъ. Онъ, съ большею люто-стію, нежели во время бѣшвы, взмахнулъ убійствен-ный мечъ и направилъ его прямо въ сердце *Отонovo*. Защищая себя, онъ сохранялъ хладнокровіе: шеперь ничшо не мѣшало ему излишь всю свою ненависть. Рѣшась умершвить своего соперника, онъ бросился на него столь стремительно, что могъ изранишь шѣхъ, кѣи удержали его мшишельную руку. Рыцари воскликнули: пощада! *Лара* опомнился. Онъ ошановилъ мечъ свой на взмахъ; но взоръ его ушпремленъ на лежащаго Рыцаря; мнишся, будто онъ жалѣетъ о томъ, что ошавляетъ жизнь врагу своему; мнишся, будто онъ измѣряетъ, какъ близко къ могилѣ удары его поставили его жершву.

V.

Подъемлюшъ омышаго кровію *Оточа*; врачъ за-прещаетъ ему говорить. Рыцари, свидѣтели спраш-наго единоборешва, уходѣшъ въ другую комнату; а *Лара*, биповникъ распри, удаляетъ съ грознымъ и презришельнымъ видомъ, какъ шоржествовашель. Не оглядываясь, поскакалъ онъ обратно въ свой замокъ.

VI.

Куда же сокрылся сей почный призракъ онъ лучей солнца? Гдѣ находился сей *Эцелиъ*, явившійся

на одно мгновение и неоставившей по себѣ никакого слѣда? Онъ оставилъ замокъ *Отон* за-долго до разсвѣта; ночь была темная; но дорога шакъ ему знакома, что не возможно заблудиться. Его жилище не далеко: его не нашли шамъ; на другой день спали спрашивать въ сосѣдственныхъ деревняхъ — и ничего не узнали. Его пошла не измята, осиротѣлый конь споишь въ спойлѣ; его хозяинъ испугался, друзья опечалились и роптали; ошорожно и рачительно обыскали они окрестности дороги, боясь опкрыть слѣды разбойниковъ. Напрасно! земля не окровавлена; на кушарникахъ нѣтъ клочковъ его одежды; шрава не измята; нигдѣ не напчашлѣлись кровавые перешы изнемогшей руки, кошора вѣ смершныхъ судорогахъ ушолѣшь ярость свою надъ нѣжнымъ дерномъ. Не обнаружилось сихъ признаковъ совершеннаго здѣсь убійства. Осталась одна надежда — и на, весьма сомнительная. Подозрѣнїе шепощомъ произношишь имя *Лары*; заочно дѣлаешь о немъ худыя шолки; но едва онъ появишься — все умолкаешь, вѣ ждущъ, чтобъ онъ удалился — и тогда опяшь начинающъ дѣлашь о немъ догадки, чернишь его имя и выводишь самыя невыгодныя заключенїя.

VII.

Бѣгушь дни за днями; раны *Отон* зажили; но гордосшь шочишь его сердце; онъ не скрываешь своей нецависши. Онъ былъ могущій владѣлецъ,

врагъ *Лары* и другъ со всѣми сосѣдами, кои пылали желаніемъ вредить ему.

Отонъ принесъ жалобу въ окружномъ судѣ — и домогался принудить *Лару* ошвъщсшвовашъ за *Эцелнна*.

Кого, кромѣ *Лары*, тягошило его присущствіе? Кшо, кромѣ челоуѣка, коему слова *Эцелнна* могли повредить, имѣлъ надобность удалить его? Народные шолки спановяшся громче, шайна пріятна шолпѣ любопышной. Какъ можешъ *Лара* быть сшоль равнодушень, даже не ошкрышся ни одному пріятелю? Гдѣ привыкла душа его къ кровожадности? Онъ не былъ на войнѣ: гдѣ же рука его научилась владѣшь мечемъ съ шакою ловкостію, съ шакимъ проворсшвомъ? Ошкуда въ сердцѣ его шакое звѣрешво? Ибо эшо не мгновенное дѣйсшвіе слѣпой вспылчивости, которую одно слово воспламеняешъ — и одно слово пошущаешъ; эшо глубокое чувство души, разнакомившейся съ жалостію; души, кошорая привыкнувъ къ самовласшію и къ успѣхамъ, сдѣлалась безчелоуѣчною.

Такіе рассказы и природная склонность людей къ злословію собрали надъ головою *Лары* грозную шучу. Она разразилась. Ему объявленъ приговоръ Судилища, коимъ на него возложена ошвъщсшвенность за голову *Эцелнна*, кошорый и живой, и мершвый, его преслѣдовалъ.

VIII.

Хитрый *Лара* давно это предвидѣлъ — и готовился опразить силу силою. Сосѣдственныя помѣщики живучи безоплочно въ своихъ замкахъ и сами занимаясь хозяйствомъ, нерѣдко ошягощали своихъ васалловъ работою; между шѣмъ, какъ въ опсущствіе *Лары*, его подвласныя не плашили ему никакой подаши. Это увеличило въ нихъ заочную къ нему привязанность. Возвращаясь въ опечесствіе, *Лара* поддерживалъ въ нихъ сіе чувство пошворствомъ и щедростью. Старые служители опца его сохраняли къ нему наследственную привязанность; не за себя, а за него они боялись. Сначала, они обвиняли его, въ послѣдствіи, спали сожалѣнь о немъ. Его безсонныя ночи и молчаливую угрюмость приписывали они болѣзни, въ немъ усилившейся. Хотя одинокій образъ жизни его былъ печалень, но его привѣшливость ихъ плѣняла; несчастные не выходили опъ него неушѣнными; опносительно къ нимъ, сердце его не было чуждо соспрананію. Холодный съ знатными и гордый съ спѣсивыми, онъ ласково обращался съ низшими. Онъ мало говорилъ, но безпріютные находили ночлегъ подъ его кровлею, безпомощные помощь, неоправленную укоризнами. Число васалловъ его примѣшно умножалось. Послѣ приключенія съ *Эцелномъ*, *Лара* сдѣлался еще привѣшливѣе, щедрѣе, гостепримнѣе. Можешь бышь, что послѣ бшвы съ *Отономъ*, онъ уже боялся преслѣдованія враговъ своихъ. Какъ бы

по ни было; но сосѣдственныя помѣщики его любили, а собственныя васаллы почти обожали. Онъ укрывалъ бѣглыхъ, раздувалъ ненависть къ врагамъ своимъ въ сердцахъ людей имъ подвластныхъ, увѣрялъ, что гошовъ быль ихъ мстительемъ.

Между тѣмъ *Отонъ*, увѣренный въ неизбежности своего мщенія, послалъ глашатая къ мнимому прешупнику. Сей нашелъ *Лару* въ его замкѣ, окруженнаго тысячею исправно вооруженныхъ воиновъ, гошовыхъ умереть за своего добраго владѣльца.

Коварство умѣетъ набрать шлопу подъ знамена злодѣйска и пригошовить обильный пиръ жаднымъ волкамъ и червямъ могильнымъ.

IX.

Оплученный непоспѣжимою судьбою онъ всего близкаго ему по роду и воспитанію, *Лара*, съ самой бѣдственной ночи, въ кошорую пропалъ *Эцелль*, пригошовлялъ средства мужественно прошивошашъ грозному будущему.

Причины, кошорыя заснавлили его ненавидѣшь, розыски и распросы о дѣянїяхъ его въ продолженїи долготшнаго странствїя, никому не были извѣсны.

Увлекши сосѣдей своихъ въ постороннюю для нихъ распрю, онъ ошерочивалъ на нѣсколько времени свою погибель. Собышїя, грозившїя разрушить его печальный прїюмъ, разбудили его, и гроза, кошорая опушошивъ его сердце, зашхла - было, снова загремѣла. Въ опшизнѣ опшкрылась для него

ша же дорога, по кошорой шелъ онъ въ спрпахъ чуждыхъ. Онъ мало забошлся о жизни и славъ; но не менѣе гошовъ былъ къ самымъ опчаяннымъ предпріятіямъ. Возвращаясь въ тихое свое уединеніе, Лара искалъ въ немъ покоя и забвенія; но судьба и здѣсь его преслѣдовала, и онъ разсвирѣпѣлъ, какъ лютый звѣрь, привыкшій къ нападеніямъ охотниковъ и гошовый на нихъ бросишься. Его нельзя было уловишь въ сѣщи; онъ не сдался бы живой. Молчаливый, одичавшій, не щеславный, онъ остался бы спокойнымъ зришелемъ на театрѣ міра; враждебная судьба вызвала его самого на сцену и онъ вышелъ на нее какъ опытный воинъ. Его голосъ, его осанка, его поступъ — показывающъ природную люшость, и взоры — знашока въ искусствѣ рашиномъ.

X.

Описываешь ли мнѣ башвы, кошорыя всегда оканчивающа торжешствомъ смерти и пиромъ коршунновъ; непостоянное счастье, перебѣгающее то на шу сторону, то на другую, побѣждающую силу и побѣжденное безсиліе, дымящіяся развалины и упавшія башви?

Сія новая война была подобна старымъ, съ пою разницею, что здѣсь, снущенныя съ цѣпей спрасши заглушили голосъ совѣши. Никто не просилъ пощады; никто не чувешвовалъ жалосши. Пленныхъ рѣзали на полѣ башвы. Обѣ сражающіяся спороны осшервѣнились. Грабежъ, нищеша и голодъ опу-

стошали цѣлыя обласши; пожары пожирала города и села, и кровь лилася.

XI.

Сначала, неистовая рать *Лары* одержала поверхность; но не привыкнувъ къ повиновенію, его рашники бросались на враговъ несстройными полками. Жажда грабежа и крови завлекла ихъ къ погибели. Напрасно *Лара* истощалъ всѣ дарованія искуснаго Полководца для возстановленія порядка: рука, воспалившая огонь, безсильна была потушить его. Благоразумныя мѣры непріятели оспановляли на каждомъ шагу и доказывали необузданной толпѣ гибельное ея безуміе. Пришворный опешупъ, ночная засада, неудачный нашискъ, непринятое сраженіе, долгое лишеніе нужныхъ пособій, лагерь въ сырую погоду, крѣпкія ограды, бесполезно изнурявшія ихъ силы: вошь чего *Лара* не могъ ни опшврашить, ни предвидѣшь!

Будучи опрѣзанъ опъ своихъ пособій, потерявъ храбрѣйшихъ, опшавшись съ малымъ числомъ недвольныхъ и унывшихъ рашниковъ, *Лара* былъ швердъ. Онъ ободрилъ своихъ шоварищей и рѣшился на опчаянное предпріятіе обойти шѣнинами враждебное войско.

XII.

Уже онъ выступилъ въ походъ. Благопріяшествующая ему луна освѣщаетъ непроходимыя ущелины и мракъ ночи. Уже передовая спража его видить шихій опблескъ ея лучей въ рѣкъ, опдѣляющей ихъ

родину опъ земли чуждой; уже различають они
вдали но ша ли рѣка это? Берегъ ея покрытъ
непріятелями. Преданься ли бѣгству? Возвратимъ-
ся ли прежнею дорогою? Чье знамя впереди развѣ-
вается? *Отново!* его мечъ блещетъ надъ ихъ го-
ловами! Не пасхуки ли расклали огни на ближнихъ
высохахъ? Увы! они горятъ слишкомъ ярко: нѣтъ
средства къ спасенію! Усталые, лишенные надежды,
они рѣшились врѣзаться въ толпу враговъ своихъ —
и дорого продашь побѣду!

XIII.

Они оспановились для минутнаго ошдыха. На-
пасеть ли имъ, или ожидашь на себя непріятеля?
Если они ударяють на войско, распянутое вдоль
рѣки, для воспрепятствованія ихъ переправъ: по-
можешь бышь, нѣсколькимъ храбрецамъ удастся
слоमितъ ряды непріятельскіе и спастися. „Уда-
римъ! воскликнули они; однимъ прусамъ прилично
ожидашь на себя нападенія.“ Мечи обнажены, по-
водья подобраны. Еще слово — и закипитъ бишва.
Для многихъ сіе слово *Лары* будетъ предпечюю
смерти.

XIV.

Онъ вынулъ мечъ изъ ноженъ; на лицѣ его видно
не опчаяніе, но хладнокровіе слишкомъ спокойное:
въ шакія ужасныя минушы оно не прилично вождю,
котораго прогають бѣдствія чловѣчества.

Онъ обращаетъ взоръ на *Каледу*, кошорый не
знаетъ страха, вблизи своего господина. Можешь

быть, шуклое сіяніе луны, а не боязнь разливаешь задумчивую блѣдность по лицу его: знакъ его безпредельной преданности. *Лара* это замѣчаешь и кладешь свою руку на его; она не дрожала. Уста его безмолвствовали, сердце чуть-чуть билось, одні глаза говорили: „мы никогда не разстанемся. Твое войско можетъ быть разбило; твои приверженцы могутъ тебя оставишь. Я, могу сказать жизни: проси! но никогда *Ларь*."

Знакъ поданъ — и малочисленная дружина шсно сомкнувъ свои ряды, ударила на непріателя, раздѣленного на нѣсколько ошрядовъ. Конь повинуенся шпорамъ, мечи заблншали и скрестились. Одна шпорона превосходишь числомъ; но храбрость равна: ошчаяніе борешся съ дерзостью, оборона длинся. Кровь льешся въ рѣку и ея струи сохранили багровый цвѣшь до самаго ушра.

XV.

Раздавая повелѣнія, ободряя своихъ собственнымъ примѣромъ, повсюду, гдѣ напнсь враговъ сильнѣе, гдѣ его шоварищи изнемогають, *Лара* вопнень громкимъ голосомъ, разншь рукою, и не пишая никакой надежды, умѣешь оживишь ее въ сердцахъ оробѣлыхъ. Зная, что нѣшь спасенія въ бѣгшвъ, никто не предаешся бѣгшву. Тѣ, кои сначала ошступали, повернулись и бросились въ пылъ бншвы, шуда, гдѣ взоры и удары ихъ предводителя вселяють шрепешъ въ побѣдншелей. То окруженный шоварищами, шо одинъ, онъ — или разрываешь ряды полковъ *Ото-*

новыихъ, или воспановляешь порядокъ между своими: онъ шамъ, гдѣ опаснѣе. Врагъ дрогнулъ минуша благопріятна *Лара* занесъ руку и бросился опъ чего голова его, перьями украшенная, вдругъ на плечо скапнулась? Онъ раненъ въ грудь. Его послѣдній взмахъ былъ ему гибеленъ, онъ открылъ сердце — и смерть опустила его грозную руку. Слово *побѣда* замерло на устахъ *Лари*. Какъ жажко виситъ воинственна десница его! она держитъ еще мечъ, но шуйца опустила брозды.

Каледъ схватилъ коня его за поводъ. Ослабѣвъ опъ раны, вися на спременахъ сѣдла почти безжизненный, *Лара* не замѣшилъ, что опчаянный *Нажъ* увлекать его далеко опъ поля сраженія. Между шѣмъ его солдаты разяшъ и поражающъ; новыя груды шруповъ набросаны на прежнія.

XVI.

Солнце освѣтило умершихъ и умирающихъ, изломанные лапы и изрубленные шлемы. Конь палъ вблизи опъ своего всадника. Подруги сѣдла лоннули опъ усилий послѣдняго вздоха. Не далеко опъ него пренецетъ остаткомъ жизни нога, подспрѣкавшая его шпорою, и рука, управлявшая его броздами.

Раненые, помяціеся воины думаютъ, что они на берегу рѣки, кошорой воды, какъ будто бы умышленно опказываются ушопить жажду, перзающую челоуѣка, умирающаго смертью храбрыхъ. Тщетно горяція уша ихъ молятъ одной капли, только од-

ной капли для ушоленія смершной жажды. Съ судорожными движеніями пресмыкаюся они по окровавленному дерну. При семъ усилии, спрадальцы истощають послѣдки жизни; но желанная влага передь ними. Они наклоняюся, вдыхають прохладу, грудь ихъ освѣжается, уста касаюся воды что ихъ остановило? . . . Уже внутренность ихъ не сгараетъ это было смершное шомненіе . . . ихъ жажда ушолена!

XVII.

Подъ опдаленною отъ сей кровавой сцены липою, лежалъ воинъ, едва переводившій дыханіе и смертельно раненый въ сей упорной битвѣ, кошорой одинъ онъ былъ виновникомъ. Это *Лара*: жизнь его постепенно угасала. *Каледъ*, всегдашній его спутникъ, теперь единственнй свидѣтель послѣдняго часа его, стоялъ передь нимъ на колѣняхъ. Глаза его вперены на широко распоронную грудь *Лары*. Перевязывая своимъ шарфомъ рану, онъ стараешся унять кровь, кошорая льешся ручьемъ, и при каждомъ судорожномъ усилии дѣлаешся черною. Скоро, по мѣрѣ, какъ его дыханіе спановишся рѣже, кровь унимаетъ, и уже капля за каплею испекаетъ изъ запекшейся раны. *Лара* едва можешъ говорить и даетъ знакъ, что всякая помощь бесполезна. Мучась, онъ пожимаетъ руку, кошорая ищешъ ушолить боль его, и горестною улыбкою благодаришъ скорбящаго Пажа. *Каледъ* ничего не боишся, ничего не чувствуешъ; онъ видишъ шолько голову, лежащую

на его колѣнахъ и блѣдное лице, коего померкнувшія очи были для него лучезарными свѣтилами, освѣщавшими ему жизненный путь.

XVIII.

Побѣдители, напрасно проискавъ его на полѣ битвы, наконецъ нашли его. Побѣда ни мало бы ихъ не порадовала, если бы сей вождь въ живыхъ оспался. Они хошѣли-было унести его въ свой лагерь; но видяшъ, что напрасна такая предосторожность. Онъ смотритъ на нихъ съ презрительнымъ равнодушіемъ, и какъ будто мирится съ смерпью, которая испоргаетъ его изъ рукъ мщениа. Прискакаль *Отонъ* и, спрыгнувъ съ коня, озираетъ врага, кошорый нѣкогда пролилъ кровь его. Онъ спрашиваетъ: опасна ли рана? *Лара* не даетъ отвѣша, и какъ будто бы не узнавъ его, едва удостоиваетъ его взгляда и отворачивается. Если и слышали послѣднія слова его, шо никто ихъ не выразумѣль. Гробовымъ голосомъ произносиль онъ чуждые звуки: съ ними связаны для него чудныя воспоминанія; онъ говорилъ о своихъ приключеніяхъ подъ другимъ небомъ; но о какихъ приключеніяхъ?.. Одному *Каледу* это извѣстно; одинъ *Каледъ* понимаетъ языкъ его и шепотомъ ему отвѣщиваетъ, между шѣмъ, какъ ихъ враги слушають ихъ съ безмолвнымъ удивленіемъ. Въ послѣднія минушы, сіи два человека позабыли, кажется, наспоющее, переселились въ прошедшее, и бесѣдовали о соеди-

нившей ихъ своенравной судьбѣ, въ таинствѣ коей ни чье око не проникнуло.

XIX.

Хошя слабымъ голосомъ, однако же долго они разговаривали. Слушая Пажа, можно было вообразить, что его смерть ближе *Ларикой*; такъ прерывчато исходили слова изъ дрожащихъ и посинѣлыхъ устъ его; голосъ же его господина, хошя слабый, до самаго того мгновенія, какъ просяжный спонь взвспиль его смерть, былъ чистъ и ясенъ.

На его лицѣ не замѣтно никакой перемѣны; томясь къ смерти, онъ съ нѣжностью взглянулъ на *Каледу*, и когда сей замолчалъ, то *Лара* указаль ему перстомъ на Востокъ: упреннй ли свѣтъ солнца, разогнавшй туманы, поразиль его зрѣнйе, случайно ли, хошѣль ли онъ шѣмъ показашъ, что въ думѣ его живо воспоминанйе о мѣстахъ, гдѣ случилось съ нимъ много чуднаго. *Каледъ* оставиль се почши безъ вниманія; онъ опшворотился, какъ будто бы негодуя на солнце, копорое озаряло вселенную, шогда, какъ очи его друга покрывались вѣчнымъ мракомъ. Казалось, *Каледъ* не вѣдалъ, что съ сей минушы начиналась для *Лары* новая жизнь, сйя безконечная жизнь, копорой уповаюшь вѣрующйе въ Христа Спасителя.

XX.

Съ болѣзненнымъ спономъ въ послѣднй разъ вдохнулъ *Лара*; шемное облако покрыло мушныя зрачки его; съ судорогами просянулъ онъ руки и ноги,

голова его покашилась по слабымъ колѣнамъ, кои не чувствуя усалосши, ее поддерживали. Онъ прижалъ *Каледову* руку къ своему сердцу. Увы! оно уже не билось, оно уже охолодѣло! *Каледъ* все еще обращаетъ къ нему рѣчь, хотя *Лара* перестала отвѣчать ему даже слабымъ пожатіемъ руки. „Сердце еще бьется!“ воскликнулъ онъ. Несчастный, ... это обманъ! его уже не спало! шопъ, на кого вперилъ ты неподвижныя очи — былъ нѣкогда *Лара*!

XXI.

Каледъ смотритъ съ нѣжностью на сіи смертныя останки, какъ будто бы душа, ихъ оживошворявшая, еще не оплелѣла. Его надобно было насильно вывести изъ глубокой думы: ничто не могло его разсѣять! когда оплелкли его опъ кроваваго шрупа, который покрывалъ онъ жаркими лобзаніями, когда онъ увидѣлъ, какъ покашилась по землѣ голова, которая сама скоро будетъ прахомъ: шо онъ не вопилъ, не рвалъ на себѣ черныхъ, какъ эбеновое дерево, волосъ; но оцѣпенѣлъ и обезпамятѣлъ, потомъ зашатался и упалъ, произнося не внятно сіи слова: какъ онъ любилъ! никогда сердце смертнаго не будетъ горѣть такимъ пламенемъ!“ Ишакъ, вышла наружу сія шайна, долго до половины скрывавшаяся; товарищи, сшарааясь привести *Каледа* въ чувство, разорвали на груди одежду: открылась женщина! *Каледъ* опамяшовался и не покраснѣлся. Что ему щеперь нужды до его чести, до его пола?

XXII.

Лара не шамъ покоишся, гдѣ покояшся его предки: его могила на полѣ, на кошоромъ онъ умеръ; надъ прахомъ его нѣшь надгробнаго памятника. Его оплакала нѣжная подруга; ея печаль не шоль громогласна, какъ вопли наемниковъ на похоронахъ богача. Тщешно распрашивали ее о прошедшемъ; самыя угрозы не могли вынудить у нее ни одного слова. Она не открыла, по какой причинѣ бросила опчизну и послѣдовала за челоувкомъ, кошорого сердце казалось бышь мало любящимъ; не объявила, за что была къ нему спрасшно привязана. Безумное любоньшество! развѣ любовь покорна волѣ? развѣ *Лара* не могъ ей понравиться? У людей швердыхъ и суровыхъ чувства гораздо живѣе, нежели какъ въ свѣшѣ думаютъ; можно ли сомнѣваться въ нѣжности и сильномъ раздраженіи сердца ихъ по шому шолько, что любовь ихъ не многословна?

Сердце и душа *Каледа* были привязаны къ *Ларѣ* необыкновенными узами; но ничшо не въ силахъ принудить ее повѣдать шайную свою испорію. Кромѣ же ея не ошалошь въ живыхъ никого изъ знавшихъ оную; смерть запечашляла имъ уста.

XXIII.

Трупъ *Лары* опустили въ могилу; на груди его, кромѣ послѣдней смершельной раны, оказалось много рубцевъ старыхъ, не въ эпошѣ войнѣ имъ полученныхъ. Въ какой землѣ ни провель онъ дѣша

мужескія, но онъ провель ихъ въ бранныхъ подвигахъ; до опчизны его не дошелъ слухъ ни о славѣ его, ни о злодѣяніяхъ. Рубцы свидѣтельствовали только о томъ, что онъ не одинъ разъ проливалъ кровь свою.

XXIV.

Говорящъ, что въ оную гибельную ночь (это площадной слухъ) поселенинъ проходилъ по долинь въ шу пору, когда солнце гонялось смѣнявъ луну, задернушую облакомъ. Сей рано проснувшійся, поселенинъ шелъ вдоль по рѣкѣ, опдѣляющей владѣнія *Отон*а опѣ Лариныхъ, въ лѣсъ подбиравшъ дрова для продажи въ городъ. Внезанию зашуршали вѣтви и показались изъ лѣса лошади и всадникъ. Онъ держалъ на сѣдлѣ передъ собою нѣчто въ плащѣ завернутое. Лице всадника было закрыто и голова поникла къ лошадиной шеѣ. Удивленный споль нечаянною встрѣчею и подозрѣвая убійство, поселенинъ спрясался въ кусты и опшуда вымывалъ. Всадникъ, домчась до круаго берега рѣки, соскочилъ съ лошади, и схватя ношу, подошелъ на самый край и бросилъ ее въ воду; попомъ робко на всѣ стороны озираясь, слѣдоваль зрѣніемъ за иекущими волнами, какъ будцо всматривался въ какой-нибудь предметъ, всплывшій на поверхность воды; поспѣшилъ къ грудѣ камней, весенимъ попомъ съ горъ набросанной, началъ подбиратъ самые крупные, и съ особенною ловкостью кидатъ ихъ въ воду.

Между шѣмъ, любопытный поселянинъ тихо прокрался къ шакому мѣсту, откуда, не бывъ замѣченъ, могъ все видѣть. Емѹ показалось, что по рѣкѣ плывешь мершвое шѣло, на груди кошораго онъ даже могъ различить орденскую звѣзду; но прежде, нежели онъ успѣлъ пристально взглядѣться, огромный камень погрузилъ шрусь въ глубину: онъ еще разъ всплылъ, обагривъ вокругъ себя воду — и пошелъ ко дну. Всадникъ дожидался, пока кругъ на рѣкѣ совершенно сгладился; тогда вспрыгнувъ на лошадь — и во весь опоръ помчался прочь отъ берега. На лице его надѣшна была личина; робость воспрепятствовала дровосѣку различить чершья лица погибшаго; но если правда, что онъ видѣлъ звѣзду на его одеждѣ, то это знакъ рыцарскаго достоинства, и всѣ, слышавшіе повѣсть дровосѣка, потчасъ вспомнили, что въ бѣдшвенную ночь *Эцеллинь* имѣлъ на груди звѣзду. Если это былъ онъ, то да водворится душа его въ селеніяхъ райскихъ! его смершныя останки вынесены рѣкою въ море; любовь къ ближнему оспережется обвиняшь *Лару* въ семъ злодѣяніи!

XXV.

Каледъ, *Лара*, *Эцеллинь* умерли — и ни надъ однимъ нѣтъ надгробнаго камня.

Сосрадашельные люди шщешно хотѣли удалить жалкую спрадалицу отъ мѣша, орошеннаго кровію друга ея. Сія гордая душа сдѣлалась смиренною; горестъ изсушила ея слезы; она не ропшала,

не жаловалась, не спонала. Если кто угрожалъ ей удаленіемъ ее отъ мѣста, на коемъ она видѣла и еще не вѣрила, что *Лара* умеръ: то глаза ея сверкали отъ ярости, какъ глаза шигрицы, у которой ловцы хотѣли дѣшею похищать. Но потомъ, кто изъяслялъ участіе въ ея горести, слышалъ ее бесѣдующею съ призраками, какихъ видишь въ бреду больной горячкою. Она говорила имъ о своей утратѣ, оспанавливалась подъ той липою, подъ которою держала на колѣнахъ скашившуюся голову *Лары*: шѣ же шѣлдвиженія, шѣ же слова напоминали ей смертное помленіе друга ея. Она обрѣзала его черные волосы и носила ихъ на сердцѣ; часто вынимала ихъ, расчесывала, разстиала по землѣ, какъ будто бы выжимала изъ нихъ кровь какого-нибудь призрака; вопрошала *Лару* и сама вмѣсто его себя ошѣвчала; пошомъ вдругъ вскакивала, и указывая першомъ на другое привидѣніе, ее испугавшее, убѣждала своего друга спасашься бѣгшвомъ. Также не рѣдко, сидя на пшѣ древесномъ, она закрывала лице руками, или чертила спранныя буквы Такая горестъ не могла бытъ продолжительна. Дѣва воспока погребена рядомъ съ своимъ возлюбленнымъ. Ея исторія до сихъ поръ осталась шайною; но спрасш къ *Ларѣ* перешала бытъ загадкою.

Я.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

А. Воейковича.

Апрѣль, 1826.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРОЗА.	Стр.
Астрономія. (Изъ Шатобриана)	1.
Естественная Исторія	9.
Юность и старость земли	13.
Общее обозрѣніе вселенной	15.
Лара, пѣсь въ шорал. (Изъ Лорда Байрона)	19.
Сельскій праздникъ	40.
Кришка	43.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Аполони	49.
Отрывокъ изъ Пѣсни Виргиліевой Энеиды	50.
Сонетъ	55.
Подражаніе Жилберту	56.
Эклога I. (Изъ Виргилія)	58.
Утѣишелою-другу	62.
Къ Полицъ	63.
Жилище рыбаковъ	64.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печашано въ Военной Типографіи.